

«Я вырос на Пинеге...»

Травра - 1990. -
28 февр. - с. 6.

**Покидая отчие пределы, Северная Двина на пути к морю разлива-
ется. Берегов не видно — лишь кое-где острова. Какой простор, какая
воля! Река, кажется, вобрала и выплеснула всю мощь необъятной
России. Вот и творчество Федора Александровича Абрамова, подобно
Двине, несет могучую стихию народной жизни с ее глубинами и от-
мелями, счастьем и трагедией. Было бы наивно и рискованно очер-
тить поток, уложить в какую-то схему. Нет, это невозможно! Попро-
бую выделить только одну сторону таланта самобытного художника
и осмыслить ее конкретные проявления. В чем она?**

«РАЗБУДИ хоть среди но-
чи, — делился знако-
мый поэт, — упомяни его имя —
и на сердце волна тепла и ра-
дости. Чем дальше живем, тем
значительнее творчество Абра-
мова, его фигура пророка. Это
гигант, вылепленный русским
Севером!»

Вещее слово! Испокон веку
оно ценилось в народе выше
любого богатства, поскольку
язык вещунов, как утверждал
А. Пушкин, «с волей небесною
дружен». Сегодня, оценивая с
позиций бурного, бесположного
дня то, что вышло из-под пера
Абрамова (а еще немало не-
опубликованного), мы видим,
что писатель готовил почву для
животворных процессов в об-
ществе, изо всех сил стремил-
ся приблизить их.

Обратимся же к книгам Фе-
дора Александровича. Уже са-
мо название тетралогии «Бра-
тья и сестры», объединившей
четыре романа, заключает глы-
боко символический и, я бы
сказал, общепланетарный
смысл. Люди — все, без на-
циональных и расовых пред-
рассудков — братья и сестры.
Цивилизованное сообщество.
Каждый имеет одинаковое пра-
во на счастье. Писатель утвер-
ждал приоритет общечело-
веческих ценностей над сию-
минутными и так называемы-
ми «классовыми». В 60—70-е
годы это было редким фактом
продолжения лучших тради-
ций отечественной культуры и
требовало определенного муж-
ества.

Невозможно без волнения
читать сцену в романе «Пути-
перепутья», когда убитая гор-
ем Анфиса (арестовали мужа —
председателя колхоза)
находит краткий приют у пе-
ребравшейся в город Варвары —
деревенской красавицы,
покинувшей по ее настоянию
отчий дом, чтобы «заглушить»
любовь к Михаилу Прыслину.
«Все сделала для нее: приюти-
ла, накормила, напоила, с
сердца камень сняла, — а вот
заговорила о Михаиле — и
конец ихней дружбе. Стена
встала меж ними.

И Анфиса, вдруг вспомнив
недавно сказанные Варварой
слова, с горечью, с тоской
спрашивала себя: ну почему,
почему мы сами-то себя топ-
чем, поедем едим? Почему мы
сами-то не даем друг другу
жить?..»

Боль за гражданина и пре-
клонение перед его житейским
подвигом пронизывают рома-
ны, воссоздающие жизнь на
протяжении почти сорока лет.
Подлинное знание быта и со-
переживание труженику, та-
лант и мастерство помогли
Абрамову в судьбах жителей
села Пекашино отразить судь-
бу страны. Это тот счастли-
вый случай, когда в капле
виден океан.

О тетралогии достаточно на-
писано критиками. Нет нужды
повторяться. Хочу обратить
внимание на особенность, о
которой если и упоминают, то
редко. Крупное художествен-
ное полотно Абрамова эпи-
чески повествование о совет-
ском тыле в годы войны — о
том, что вынесла на своих пле-
чах русская женщина. «Бабы
сила, не учтенная никакими
стратегиями, поднялась из недр
России. И это был второй
фронт». О том, к чему пришла
послевоенная деревня. Все так.
Но писатель-реалист открыто
обличал и сталинизм. Как мя-
ло-переминало главного героя
Михаила Прыслина! А разве
не наворачиваются слезы на
глаза по искалеченной, обо-
рванной в лагере жизни без-
винного коммуниста Лукаши-
на? А чего стоит житие Ев-
докии-великомученицы! Вгля-
дитесь в их лица, в их души.
Еще до выхода в свет романов
«Белые одежды» В. Дудин-
цева и «Новое назначение»
А. Бека эти персонажи выгова-
ривали свою горькую правду.
Вот отрывок из откровений Ев-
докии в «Доме», заключитель-
ном романе тетралогии:

«Был у нас в части полно-
моченный из особого отдела,
которые людей судят. Хоро-
ший мужик, все у меня белье
стирал, знал, что я жена вра-
га народа. Вот я думала-дума-
ла, давай схожу к ему. Искать
мужа надо, а где? Ни од-
ного письма не было... «А как
же, говорит, я тебе помогу,
раз, говорит, права перепиши
лишен? Большая у нас, гово-
рит, страна, не пойдешь же
от лагеря к лагерю». Пошла...»

Напряженно осмысливая
происходящее с людьми и
страной, Федор Александрович
доискивался до сути, до
первопричин. Во весь рост
встала перед ним проблема ос-
мысления национального ха-
рактера. Бесперывная, мучи-
тельная работа ума, души, ин-
теллекта видна в повестях
«Деревянные кони», «Алька»,
«Мамониха», «Пелагея» и
других, в ярких рассказах и

публицистике. И едва ли не в
каждом — постижение само-
бытных черт народа. Взять хо-
тя бы короткий без затейливо-
го сюжета и особого вымысла
рассказ «Дела российские...»
Все в нем на грани «голого
факта». И оттого запустение
некогда обжитых земель, ис-
чезновение деревень пронзает,
пробуждает дремлющую со-
весть. Невозможно забыть, как
Иван-охотник, бывший жи-
тель деревни, наполняет род-
никовой водой ведро — при-
нести напиться больной жене
Марье. «Хочется спросить
прошлое, — признавался пи-
сатель в одном из интервью, —
как время меняет националь-
ный характер; что есть рус-
ский крестьянин; как происхо-
дило раскрестянивание рус-
ского человека?..»

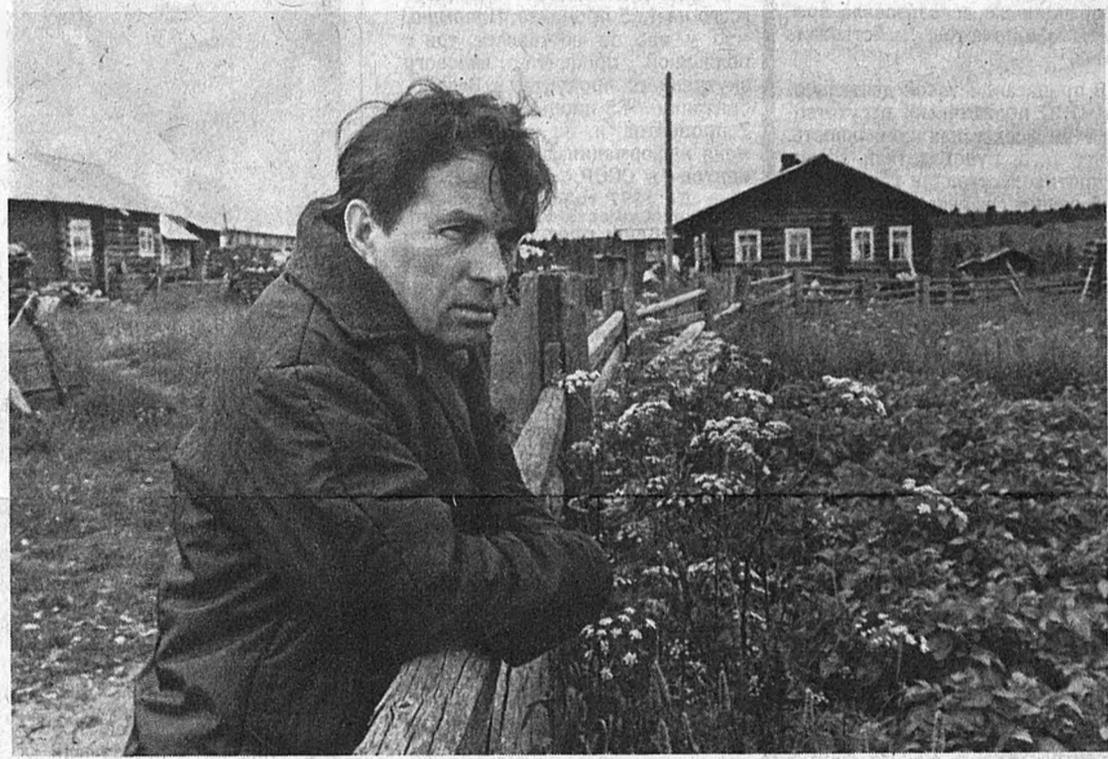
Безусловно, вклад Абрамо-
ва-художника в пробуждение
национального самосознания
велик. В то же время он из-
бежал крайностей — излишне-
го славословия в адрес наро-
да или очернения его. Взгля-
ду писателя доступно и полез-

«Повторите, повторите, инте-
ресно!»

Кстати, и другие отмечали
привычку держать блокнот на-
готове за столом у земляка,
на народном гулянье, в разго-
воре. Что удивительно? Бле-
стящий филолог, глубокий зна-
ток литературы, Абрамов не
стеснялся учиться у людей,
черпал из сокровищницы язы-
ка народа, в том числе и так —
записывая наскоро каранда-
шом...

Веркола оглушила тишиной.
Большая северная деревня как
бы замерла в ожидании чего-
то. Со старшим научным со-
трудником музея С. Галочки-
ной идею к могиле писателя.
На высоком угоре, рядом с
раскидистой лиственницей, на
краю склона, откуда чудес-
ный вид на Пинегу и окрест-
ные леса, стоит дом Абрамо-
ва, поодаль — последний при-
ют. Здесь начал путь по зем-
ле, здесь и окончил. «Я не
сентиментальный человек, —
говорил он, — был на войне и
видел смерть в глаза. Но об-
раз родной деревни меня вол-

К 70-летию со дня рождения Федора Абрамова

ное, и негативное в националь-
ном характере. Был он ярост-
ным противником безверия,
равнодушия и безразличия.
«Беда не в том, что народ ма-
ло получил, — говорил он, — но
беда в том, что он мало тре-
бовал».

Наконец, главенство духов-
ного над сущим. Лейтмотивом
через все его творчество про-
ходит эта идея. Возьмите лю-
бую абрамовскую вещь, и вы
с первых строк ощутите эмо-
циональную приподнятость,
одухотворенность. «Всякий
раз, когда я спускался с де-
ревенского угора на луг, я как
бы вновь и вновь попадал в
свое далекое детство — в мир
пахучих трав, стрекоз и ба-
бочек и, конечно же, в мир
лошадей, которые паслись на
привази, каждая возле своего
кола». Духовность, как драго-
ценное достояние, необходимо
беречь, приумножать, огра-
ждать от тлетворного разложе-
ния поп-культуры. Не раз с
самых высоких трибун убе-
ждал он в том, что духовные по-
тери чреватые, возможно, еще
большими последствиями, чем
разрушение природы, ибо в
конечном итоге все зависит от
того, какой человек управляет
землей и страной, вершит
перемены. Абрамовское пред-
ставление быта уже сегодня
ощущаем повсеместно. Духов-
ность — не манна небесная.
«История учит, — заметила
вдова писателя Л. Крутикова-
Абрамова, — легких путей со-
вершенствования личности не
бывает. Хлеб духовный добы-
вается с не меньшим трудом,
чем хлеб насущный».

Назвал я лишь некоторые
проявления устремленности пи-
сателя в будущее. Что ее пи-
тало? Как у Пушкина и Тол-
стого, Есенина и Шолохова, у
Абрамова была «малая Роди-
на». «Пинега — это моя поч-
ва», — признавался он.

...Позади почти полтысячи
верст поездом от Архангель-
ска — дальше «железка» пока
не проложена. Райкомовский
«газик» бойко катит по убран-
ной ослепительным снегом до-
роге среди тайги и хмурой
дымки над ней. Шофер припо-
минает, как подвозил писате-
ля. «Застрали, пошли с напар-
ником лесину выламывать, а
он на обочине костерок разжег.
Сломалась, прихватил приятель
крепкое словцо. А Федор
Александрович с блокнотиком:

нует до бесконечности... Там
стоит дом, который я сам ру-
бил, и поэтому он мне особен-
но дорог».

При открытии мемориаль-
ной доски на голубом домике
друг писателя ленинградский
художник Федор Мельников
произнес: «Когда я впервые
приехал сюда и увидел эти
приоткрытые, то понял, что их
раз и вместил Федор в себя,
во всех своих делах. Он любил
жесть костры, и не только в
натуре. Зажигал их в самые
трескучие и тяжелые морозы
нашей жизни, когда было го-
ноение на правду, когда никто
не мог о том помышлять. Дей-
ствовал. Ему не надо было пе-
рестраиваться. Он боролся за
человека. Зажигал костер в
каждом. Поэтому его пламя
никогда не погаснет...»

Через дорогу — малая при-
стройка к дому, в котором ро-
дился писатель (сам дом не
сохранился). Вместе со шко-
лой, где он учился и где ны-
не музей, эта часть Верколы
должна стать заповедной. Уже
семь лет почти, как нет пи-
сателя с нами, а идея мемори-
ала осуществляется медленно.
Все пока в стадии становле-
ния. Не ясна судьба проекта
музея-библиотеки. Нет гости-
ницы для туристов и поклон-
ников таланта писателя.

Хотя по намеченной испол-
комом программе обновление
придет и в Верколе — постро-
ят восьмилетнюю школу, ме-
мориальный комплекс писате-
ля. Есть задумка реставриро-
вать Веркольский монастырь
(на той стороне реки) — жем-
чужину пинежского зодчества.
Его необходимо спасти, пока
не поздно, пока можно спа-
сти. Но опять все упирается в
средства. Так ли мы бедны?
Скажем, за последние три го-
да массовым тиражом издано
несколько книг Абрамова.
Сверхприбыли от них — в каз-
ну. А нельзя ли часть пустить
на увековечение памяти пи-
сателя? За счет сверхприбы-
лей асфальтировать дорогу в
Верколе. По-настоящему обу-
строить усадьбу. Реставриро-
вать монастырь. Пусть у нас
будет еще одна национальная
святыня — человеческий и пи-
сательский подвиг Абрамова
неоспорим. Наверное, все
можно сделать при желании.

Пока же музейные экспози-
ции не блещут, индустрия, хотя
и в них не мало интересного.
Вот фотография матери пи-
сателя — простой крестьянки

Степаниды Павловны, остав-
шейся вдовой с пятью детьми,
Федору тогда не было и трех
лет. Поютяне подвиг совер-
шила русская женщина, не
только пережив тяготы тыла,
но и вложив патриотизм, ду-
ховную основу в безотцовщи-
ну. «Я вырос в крестьянской
семье, — вспоминал писатель, —
где совесть — альфа и омега...»

Вот заявление в сельсовет,
написанное мальчишеской ру-
кой Федора: «Мое социальное
положение — малоимущий се-
редняк». Рядом — аттестат
об окончании средней школы,
где одна пятерка, и диссерта-
ция о Шолохове, о «Поднятой
целине» как воплощении ста-
линского учения... Сопоставляя
разные документы и факты,
нетрудно понять, какую само-
оценку, «самопереоценивание»
предпринял Абрамов, чтобы
отричь догмы и стереотипы,
встать «с веком наравне». Про-
цесс шел не изолированно от
земляков, а скорее с их по-
мощью. Поэтому-то важно со-
брать и сберечь в музее сви-
детельства о писателе.

Как-то ближе ощущаешь аб-
рамовских героев, побывав в
крестьянской семье. Беседуя с
Михаилом Ивановичем Абра-
мовым (кстати, Абрамовых
в Верколе много, здесь печи-
ще — древнее поселение лю-
дей с этой фамилией). Только
что вернулся из леса. Еще
крепок в свои шестьдесят.
Вспоминает войну, отец погиб
на фронте. Он да сестра Ли-
за были за старших в большой
семье. Почти как у Прыслиных
в знаменитом романе. И горя-
чность, неуемность те же.

Невольно вспомнил повесть
«Вокруг да около» и откры-
тое письмо землякам «Чем
живем-кормимся» — они вы-
звали бурную, неоднозначную
реакцию. Можно бы немало
рассказать, как автора произ-

ведений, которые актуальны и
поныне, объявляли очерните-
лем, туристом с тросточкой в
деревне, собирали сессию сель-
совета, где клеймили, органи-
зовывали коллективные опро-
вержения... Время расставило
все по местам.

И мог ли Абрамов посту-
пить иначе? В Карпогорах, в
районной библиотеке его и-
мени, работает З. Бутюкова. Ее
супруг, художник Владлен
Никифорович, встречался с
Федором Александровичем,
подарил библиотеке коллек-
цию картин о Верколе. Так
вот, Зоя Васильевна дала мне
 послушать записанную на
 пленку читательскую конфе-
 ренцию 1979 года. «Одни пи-
 шут для развлечения, заба-
 вы, — звучит голос писателя, —
 чтобы помочь провести время,
 другие — в пропагандистском
 стиле, воспитывая читателя на
 положительном. Но есть и
 третья категория писателей,
 которые считают, что нужно
 формировать сознание, помо-
 гать читателю расти на серь-
 езной литературе — это путь,
 которым является правда.
 Многие зависят от того, как
 писатель понимает задачу.
 Как помочь человеку? Пока-
 зывать жизнь во всей слож-
 ности, противоречивости, то есть
 гражданская литература, а не
 политическая — устремленная к
 великим целям. Я принадле-
 жу к последней, к таким пи-
 сателям. Я считаю, что лечить
 наши недостатки, равнодушие
 можно только правдивым сло-
 вом...»

Таково кредо Абрамова, ко-
 торому он не изменял.

...В глубокую задумчивость
погружены окрестные леса.
Скользит по угору февраль-
ская поэмка. Пристально
смотрит с фотографии пи-
сателя, как бы вглядываясь в
даль и пытаясь угадать буду-
щее. В эти дни соберутся сю-
да родственники, друзья, по-
клонники, земляки. Пройдут
торжества в Архангельске.
Улицы в Верколе и Карпого-
рах обретут имя писателя. Но
лучшая память о нем — наше
самосовершенствование.

Геннадий САЗОНОВ.
дер. Веркола —
Карпогоры —
Архангельск.

● Федор Абрамов в дере-
вне Веркола у дома, в котором
родился. Фото Р. Кучерова.